

Из протоколов
судебного заседания по делу
о злодеяниях, совершенных
в концентрационном лагере
Заксенхаузен, Берлин, 1947.

«СС в действии.
Документы о преступлениях СС».

П р о к у р о р. Какие виды уничтожения применялись в вашем лагере?

К а й н д л [бывший комендант концентрационного лагеря Заксенхаузен, штандартенфюрер СС]. Вплоть до осени 1943 г. уничтожение заключенных в Заксенхаузене производилось путем расстрелов или повешения. Для проведения массовых расстрелов русских военнопленных использовалось особое помещение, замаскированное под кабинет врача, в котором были установлены приспособление для измерения роста, таблица для проверки зрения, и кроме того, там находились эсэсовцы, переодетые в белые халаты врачей. Во время мнимого измерения роста заключенного убивали выстрелом в затылок через отверстие в измерительной планке. В соседнем помещении, откуда стреляли, проигрывали пластинки, чтобы музыкой заглушить выстрелы...

П р о к у р о р. Для каких целей вы и подчиненные вам врачи заставляли заключенных после порки на козле делать приседания и заниматься «спортом»?

Баумкеттер [главный врач концентрационного лагеря Заксенхаузен]. Это был обычай, давно заведенный в Заксенхаузене, — это способствовало лучшей циркуляции крови.

Прокурор. В действительности это не так.

Баумкеттер. Заключение говорили, однако, что в конечном счете это давало хороший эффект... Особый страх вызывали проводимые в Заксенхаузене эксперименты по исследованию флегмоны¹.

Прокурор. Баумкеттер, известно ли вам, в чем состояли эти эксперименты с флегмоной?

Баумкеттер. В бедрах предназначенных для этого заключенных делались надрезы, и в эти надрезы запихивали старые тряпки или грязную солому. Этим сознательно вызывали сепсис², от которого большая часть этих людей умирала.

¹ Острое гнойное воспаление мягких тканей, не имеющее признаков отграничения и способное быстро прогрессировать.

² Генерализация хирургической инфекции. При наличии гнойного очага, в тех случаях, когда защитные силы организма по какой-либо причине ослаблены, возможен «прорыв» микроорганизмов в кровеносное русло. Это приводит к обсеменению микрофлорой органов и тканей и образованию вторичных гнойников, чаще всего в легких, селезенке, печени. Состояние больного при этом резко ухудшается, температура тела повышается до высоких цифр — 39—40 °С. Нарушается функция внутренних органов. Если не производится лечение, сепсис приводит к смерти больного.

Прокурор. Вы известны под именем «железный Густав»?

Зорге [служил 8 лет в фашистских концентрационных лагерях и выслужился от надзирателя до лагерного начальника в Риге]. Так точно, заключенные звали меня «железным Густавом».

Прокурор. Если человек кашлял, вы избивали его?

Зорге. Так точно, если человек кашлял или у него было неприветливое лицо, то я бил его.

Прокурор. А если он был в хорошем настроении и у него было приветливое лицо, вы его тоже избивали?

Зорге. Тогда я находил причину, чтобы избить его... найти повод для порки для меня никогда не составляло труда.

Защитник. Отвечая на вопрос прокурора, вы сказали, что у вас было прозвище «железный Густав». Вы гордились этим прозвищем или испытывали стыд за него?

Зорге. Конечно, я гордился этим прозвищем.

Защитник. Почему вы гордились этим? Получали ли вы от своих начальников какие-либо льготы?

Зорге. Так точно. При повышении в должности мне всегда отдавали предпочтение.

Прокурор. Чем занимались вы в кабинете врача, переодевшись в белый халат?

Шуберт [надзиратель из концентрационного лагеря Заксенхаузен]. В правой руке у меня был шпатель¹, а в левой — кусок мела. Если у военнопленного были золотые зубы, я мелом ставил ему на груди крест...

¹ Специальная лопатка.

Главный герой не я. Мне поручили его найти. Узнать о нем. Написать материал. Мой материал носит сенсационный характер, и самое малое, на что я могу рассчитывать, так это премия «Золотое перо». Самое малое. Самый большой приз моему честолюбию — пуля в затылке.

Здесь и далее описаны три дня из моей жизни, в течение которых я излагаю эту историю и кое-что понимаю, а кое-чего недопонимаю в мировом устройстве. Например, я понял, почему хорошие парни никогда не выигрывают, но так и не уяснил, почему мы такие тупые идиоты и не видим абсолютно ничего, что не сразу перед носом, а на небольшом отдалении от нас.

Три дня со всевозможными камбеками и переживаниями.

Мне некуда спешить сегодня, и завтра, и послезавтра, и я попытаюсь рассказать все обстоятельно.

Итак, обычный день. 17 октября 2005 года, среда. Звонок редактора. Вызов в газету. Стандартная процедура.

Редактор аналитической газеты, в которой я

работаю уже полгода, тучный Чесноков, Чеснок, мужчина в самом расцвете сил, манит меня в свой отдельный кабинет, отделенный от остального пространства редакции перегородками из непрозрачного оргстекла, книг, старых выпусков газеты и другого мусора. Это всегда означает что-то, даже если тебе кажется, что на первый взгляд это ничего и не означает.

Может быть, он скажет, что я уволен? А может быть, что я повышен и являюсь эксклюзивным (читай, единственным) корреспондентом, посланным в горячую точку освещать события.

Может быть, сообщение будет из цикла «все, пиздец, кредиторы подали в суд, будем банкротиться». Или что-то вроде: «Газета закрывается, рекламщики сбежали, под кого лечь? Не одолжишь ли на выпуск твоих материалов».

Такие слухи частенько ходят в редакции аналитической газеты. У всех всегда собран рюкзак на случай того, чтобы покинуть тонущий корабль вовремя, а не затонуть вместе с ним.

В экономической газете, где я уже полтора года, все по-другому. Но об этом позже.

На этот раз все не так страшно. Просто Чеснок удовлетворен моими материалами и дает особое поручение. Эксклюзив по поводу убийства нескольких высокопоставленных ментов-

ских чиновников. Пока МВД держит эту информацию в тайне, но есть зацепка.

Он протягивает мне листок с контактной информацией какого-то парня. Он скинхед и причастен. Может быть горячо, смотри не обожгись. Это все.

У него звонит сотовый, и он отвлекается от меня. Говорит с дочкой Вероникой.

Я понимаю, что аудиенция закончена, и вылетаю пулей. Эксклюзив! Круто! Полгода работы не прошли зря. Круто! Круто! Круто!

Пока здесь, в редакции, нахожу свободный комп и рыскаю по Интернету и интегруму в поисках каких-нибудь новостей по моему эксклюзиву. Ничего.

Странно... Хотя на то он и эксклюзив. Главное — ни с кем не разговаривать. Стереть историю поиска. Закрыть все поисковые окна и... вон! На улицу — в путь.

Люблю с утра встать и не спеша выпить чашку крепкого кофе. К сожалению, к величайшему моему огорчению, Камили нет дома. Я вспоминаю, что мы с ней поцапались вчера по-крупному, и параллельно припоминаю, как варить кофе без помощи женщины.

Пока я думаю, где бы я смог ее найти, кофе варится. И я вместе с ним. Я перевариваю в башке план. «Женщины тебя убивают, приятель!» — звучит знакомый голос в голове. Кто бы это мог быть, а?.. Пока думаю и об этом, кофе закипает

и выкипает. Надо переходить на растворимый, решаю я и засыпаю черно-коричневое пятно на плите каким-то ныне модным чистящим средством. До вечера подождет. До вечера понедельника, уточняю я сам себе. Сейчас пятница, утро.

Кэм наверняка отправилась в родительский дом, хотя бывать там она терпеть не может. У нее свои проблемы с родаками. Похоже, они друг друга не понимают вообще. Да, собственно говоря, и не стараются понять!.. Ладно, в конце концов, это история не обо мне и даже не о моей подруге!

Так, пока все хорошо, поел, умылся, позавтракал. Вспомнил, что курю, и покурил.

На выходных мы, скорее всего, помиримся и она вновь придет (пятно ототрет, добавляет невидимый кто-то). Но вопрос — приму ли я ее? Скорее всего, нет. Мне нужно одиночество, и я эгоист.

Надо брать материал и писать.

— Понимаешь, — говорит мне в лицо красный от пива жирдяй-скинхед, — есть люди, которые с возрастом начинают интересоваться футболом. Есть те, кто непробудно пьет.

С этими словами он опрокидывает кружку пива в свой хавальник — наступает ожидаемая пауза, и мы с Токсиком переглядываемся. Позади нас шумит пивная. В колонках звучит Skinhead Revolt в исполнении Джо Босса — медленный

такой ска. Я почему знаю песню, потому что Толстый попросил поставить при нас. Он, видимо, здесь завсегда.

— Есть люди, — продолжает он, осматривая остатки пены на стенках кружки, — которые ходят по бабам. А есть мужики, которые вступают в группировки... Конечно, одно другому не мешает.

Его кличут Толстым. Лидер скинхедов северных районов Питера (так он, по крайней мере, сам назвался). Белые шнурки, вся хуйня. На предплечье татуировка в виде американского флага. Ниже — что-то вроде коловрата. С ним удалось связаться, лишь пообещав сослаться в статье при случае на мощь их северного отделения. По большому счету, все эти ебари желают одного — СЛАВЫ. Им по хую концепция, устав и все прочее. Зато они сами следят за строгим соблюдением прочей пиздобратией всей ритуальной хуйни.

И вот настал звездный час Толстого, и он понимает это — больше такого шанса заявить о себе у него не будет. И вот он смакует каждый момент своего выступления — шумно глотает пиво, рыгает, размеренно употребляет ругательства (чтобы уж не выглядеть полным распиздяем).

Но и мы не лыком шиты с Тохисом. Воспользовавшись своими документами и названием газеты, на которую я работаю, мы, под предло-

гом собрать всю информацию о скинах Питера, втерлись в доверие на форуме одного из сайтов этих упырей. В результате лично я не ожидал столь оперативной реакции, но довольно скоро получил предложение встретиться и «погутарить». Складывается такое впечатление, что на этих форумах круглосуточно сидят исключительно сами создатели, периодически переключаясь на порнуху.

Меня интересовало лишь северное крыло бритоголовых, так как именно в нем, по информации из редакции (Типичный разговор с редактором: «Ну и с чего же мне начинать?» — «БЛЯДЬ! Тебе что, мало информации [имя, фамилия, дата рождения, где живет, где числился], которую тебе приготовили?!.» — «Вопросов нет».), состоял наш главный герой.

— Читал Нестерова? — ухмыляется жирдяй. Я киваю. «Русь пробуждается». — Полная хуйня! Я таких хуевин могу в день по десять штук херачить!..

О, понесло! Скоро-скоро... Он ухмыляется, глядя на нас с Тошей. Приносят еще один бокал пива, который мы заказали для Толстого. Улыбка становится еще шире. Потом он неожиданно серьезнеет и с отвращением произносит:

— Вы, журналюги, как и те, кто стоит за современной нацистской идеологией, только и знаете, что пулять словами и цифирьками. 14,

88¹... Ладно, вы, допустим, не знаете значения, потому что не вовлечены в это. Но эти прыща-вые пацанята куда лезут, когда утверждают, что 88 — это закодированное, всем известное приветствие? Каким образом латиница связана с Гитлером, Германией и нацизмом, мне неясно. До самого простого объяснения им было не допереть! 88 — это число заповедей Лэйна²... Кстати, правильные заповеди, не противоречащие природе вещей. Сами почитайте!

Скинхед не прав — я читал и 14 слов, и 88 заповедей. В последних утверждается, что признаком больной, умирающей нации является в том числе и гомосексуализм. Жаль, что Лэйн не подумал о том, что и среди сторонников идей «раховы»³ могут быть такие особи. И их список полнится: Пим Фортанн, Йогард Хайдер, Эдуард Пфайффер, Михаэль Кюннен, Ники Крейн (два последних умерли от СПИДа)...

На скине черная футболка с громадным значком анархии, где центральное перекрестие при-

¹ 14/88 — кодовый лозунг у неонацистов и части нацистов. Число 14 означает 14 слов неонацистского идеолога Дэвида Лэйна («Мы должны обеспечить существование нашего народа и будущее для белых детей»). Число 88 — закодированное приветствие «Хайль Гитлер!», поскольку буква Н стоит в латинском алфавите восьмой.

² Дэвид Лэйн (р. 1938) — лидер и создатель организации американских неонацистов.

³ Предполагаемая война арийской расы против остального человечества. Термин введен Бернгардом Классеном.

ходитесь ровно на массивный живот, готовый вывалиться за армейский ремень. Лицо его вмещает несколько шрамов. Неглубоких, так, случайных, как говорят. Видать, от своих же и получил по пьянке. Лысый череп порос небольшой щетиной, если можно так сказать. На мой оценивающий взгляд скинхед сразу реагирует, занимая оборонительную позицию:

— Ты, это... Поосторожней там оглядывайся. А то можешь так наглядеться!.. — С этими словами он показывает на макушку и нагибает голову.

Там мы с Тошей видим свежий багровый шрам.

— Один уже тут догляделся!.. А череп что не побрит, так это у нас тактика теперь такая. Ты же небось не в курсе, чем скины от нацей и фашей всяких отличаются. Эти последние — настоящая падаль, из-за них нас и прессуют по-всякому... Свободная Россия, Славянский Союз — мы к ним никакого отношения не имеем. Мы чтим свою историю. Мы типа революционеров... Че смеешься, не веришь?.. (За столом никто не проронил ни звука.) В Англии наши корни. Скинхед-движение образовывалось изначально как тусовка своих среди своих же. Про «модов» слышал? (Я отрицательно мотаю головой.) Ну да, куда уж там вам, молодежи, до разных традиций?.. Вам во всем этом видится лишь тупой

закон «сегодня умри ты, а завтра я», так?.. Че мотаешь башкой, не прав я, что ли?!.

Толстый делает громадный глоток из кружки. Часть пива проливается ему на футболку. Он не замечает этого.

— Так вот. «Моды» это типа сегодняшних яппи — такие все следящие за модой, за ебальниками своими и прочее. А скинхеды — те ребята, кто вкалывал на тех богатеньких сосуночков и их папаш. В основном наши отцы (он так прямо и сказал) работали в порту. Тяжелая, неблагодарная работа — разгрузить, погрузить, заправить... А ты че не записываешь, ни хуя же не запомнишь?.. Или ты не репортер вовсе, а ссука?!.

Пришлось лезть в карман и показывать диктофон — портативный Sony на микрокассетах повышенной емкости с большим встроенным микрофоном.

— Так че?.. Положи сюда, на стол, и не парься (кладу прямо на квадрат картона, чтобы не вляпаться в разлитое на столе пиво). Во, вот совсем другое дело!.. Работка у наших отцов была не из легких, это ясен перец. Поэтому и одевались они соответствующе: поролоновые подкладки в плечах — чтобы можно было взвалить тяжелую ношу, не опасаясь травмы; железные вставки в носках ботинок — чтобы пальцы не отрубил упавшей тяжестью; ну и так далее вплоть до обтягивающей одежды и подтяжек — это было для

того, чтобы, случаем, кусок материи не попал в механизм лебедки и не разорвал бы мужика на части. А тогда по Лондону ходили все эти «моды» и бахвалились, как они, типа, стильно одеваются. Наши отцы решили не отставать и показать им пример. Конечно, поначалу никакими они скинхедами не были, а были с ежиками — типа, длинные волосы быстро замасливаются, за ними нужен уход...

В горле у Толстого пересохло, и он отхлебнул пивка.

— А когда эти «моды» достали вконец наших папаш, они вывалили на улицу в своем этом обыкновенном рабочем прикиде, без ботвы. Только, естественно, выглаженные и стиранные все, без единой пылинки... Ну и че? Эти, естественно, пидоры обосрались. Конечно, одно дело базарить с целками и чувствовать себя повелителем, блядь, морей, и совсем другое дело — встретить на улице реальную рабочую силу, которая к тому же не стесняется своей классовой принадлежности, а всячески ее демонстрирует. Даже одеждой.

Толстый помедлил секунду и добавил:

— Так что, браток, мы вышли прямиком из рабочего класса и помним свои корни.

Его язык уже немного заплетался. Мы с Тошей сделали всего каких-то два-три глотка, когда это пузо уже оприходовало три кружки, да еще умудряясь с нами разговаривать.

Непонятно, какое отношение этот пролетарий имеет к рабочему классу Великобритании, но раз ему так легче, то пускай так и будет. Меня интересует другое. И я прямо спрашиваю, перебивая Толстого как раз на рекламе собственного моба и довольно общих размышлениях о тяжелой судьбе скинхед-движения в нашей стране:

— Так как насчет обещанного рассказа?

— Это, типа, о чем? Блядь!

— О том парнишке, помнишь?

— А, об этом обсосе... Ну был такой у меня парень, был. Про него чего-то в последнее время стали много говорить, не знаю уж, куда он там влез. Как бы мне не досталось... Ну ладно, расскажу, коль обещал.

Он вновь сделал внушительный глоток пива, зычно отрыгнул и начал клонить ближе к делу.

— Пацан этот такой sereneкий был. Дохляк, в общем, какие к нам приходят ежедневно. Но уходят-то совсем другими! Уходят мужчинами, впитавшими боевой товарищеский (он «проглотил» это слово) дух рабочего класса... Притащил его к нам один мой кореш, Шурупом его кличут... Притащил на мою голову! В общем, сначала он сидел, слушал все так внимательно. В зал к нам ходил, тренировался.

Толстый не может сдержаться и в этот раз и принимается рекламировать свою группку. Наверняка у них там не все так сказочно, а от силы

человек тридцать регулярно собирается. Но перед журналистом грех не засветиться.

— Во! О чем это я?.. Не помню, как произошло такое, но стал этот гаденыш выступать против заявлений руководства. Меня пару раз чуть не послал. В общем, стал говниться. Говорил, вот, мол, вы много говорите, но делать ни хера не хотите и так далее всю эту чушь. Ему, как я слышал даже наши наваляли пару раз. Ну вот я и думаю, что тогда он и решил свалить. Вместе с ним еще один парень ушел. Кажется, Вадимом зовут. Не помню, всех и не упомнишь!..

Он как-то погрустнел и приложился к кружке. Потом посмотрел на наши с Токсиком и говорит:

— Наши пути здесь разошлись. Больше ни хера не слышал о нем, пока вот эту шумиху ваш брат не поднял. А ведь нехорошо мертвых недобрым словом поминать!

— А откуда ты знаешь, что он мертв?

— Да ниоткуда, от верблюда! Верблюду даже понятно, что такая шумиха без мокрухи не пролезет.

Позже, когда мы вышли на улицу и чапали к метро, Толстый поделился с нами еще одним пьяным откровением:

— Бабка у меня православная и сильной веры. Родителей нет. Вот я и мешаю религию в одну кучу. Вы уж меня простите!

Я загляделся на звезды и почти прослушал его рассуждение. Небо чистое такое и звездное, что аж дышать легко. Я решил после немного растрясти этот бурдюк с пивом. Он выдал несколько имен (Шуруп, Вадим), и от него же я собирался получить адреса. Я не спец в расследованиях подобного толка, но видел, как это делается в кино. Еще было бы неплохо узнать, про какую шумиху он говорит, — ведь в центральных и региональных СМИ ничего нет. Сам смотрел.

— А вообще, он хиленький такой был, — продолжает рассказ Толстый.

— В смысле, хиленький?

— Ну, типа, не подкачанный и все такое. Он вроде с ребятами стал ходить в зал, да бросил это занятие. Он все претендовал на роль какого-то визиря. Типа, самый умный и говорю все что хочу. Часто выступал на собраниях наших. Но вечно какую-то ахинею нес. Его освистывали регулярно.

— А не помнишь, может, что-нибудь из его этой «ахинеи»? Идею какую или что...

— Да не. Знаю, что ребята сильно недовольные были его выступлениями. Навалили раз... Вот он, наверное, и ушел. А может, кто из наших наподдал хорошенько, так что мозги вправились. Хрен сейчас уже разберешь.

Меня пробила мелкая дрожь. Как при слабом разряде электрического тока. Мы ходили

по кругу. Видать, боялся выдать инфу. Решил еще до разговора, что говорить, а что — нет.

— Слушай, а может, что случилось с ним? Ты так осторожно обо всем говоришь. Или, быть может, знаешь, где он сейчас?

— Ясен пень, случилось! — он кратко рассмеялся. — Раз ты со мной базаришь, значит, что-то выискиваешь. Значит, что-то случилось. А быть он может где угодно: и среди нацистов, и среди фашистов, и даже среди православной братии — от него всего можно ожидать. Только если чего серьезное случилось, то он, эта, будет отлеживаться долго. Носу никуда не будет казывать. Он парень хоть и странный, но умный. По глазам видно. Только это, я свое мнение лучше при себе буду держать, вы ничего не слышали. Это так, типа, тебе для раздумий...

Толстый опасливо оглянулся. Мы свернули с набережной в один из дворишков-колодцев.

— Мне, да и моим ребятам, ни к чему лишние разбирательства. И так вон уже три раза с сентября к следаку в Большой дом таскался. Оно мне надо?! Я рассказал все, что знаю, а дальше сам вари головой...

Не успел он этого договорить, как удар железной трубой свалил грузное тело наземь. Я в испуге оглянулся и увидел перед собою троицу в масках, в камуфляжных штанах и куртках «пилот», в ботинках на высокой армейской шнуров-

ке. Это последнее, что я запомнил. Потом меня вырубил, по-моему, сзади.

Очнулся я на коленях. Из уха течет кровь, и я прикладываю платок, неизвестно как оказавшийся у меня в руке. Рядом стоит Тоха. Он, как всегда, невредим.

— Слушай, что случилось?

Я пытаюсь поднять на него голову, но в шее сильно ломит да и голову колет в сраку.

— Ты отключился на какой-то момент. — Тоха подходит к обездвиженному телу Толстого и нагибается проверить пульс. — Тебя сзади какой-то остряк вырубил. Он потом еще всем остальным команду дал нас с тобой не трогать. Я тебя отволол сюда...

Тоха обвел руками длинный проход-трубу в колодец. Я только начал вспоминать обрывочно события вечера.

— ...А потом они принялись месить этого бугая. Он так и не поднялся.

Тоха еще раз щупает пульс, а я перевожу взгляд на тело Толстого и вижу, как из-под его тела расползается пятно. Большое такое пятно бурой вязкой жидкости. Это я понимаю из-за того, что Тоха неосторожно наступил в лужу, и сейчас, тихонько матерясь, оттирает ботинок о куртотень Толстого.

— Чего с ним?

— Мертв. Кто-то воткнул ему отвертку в висок, — Тоха, закончив с ботинком, демонстри-

рует на себе характер повреждений и ран Толстого. Он удивительно спокоен.

— И чего теперь?

— Да ничего! Валить надо.

Я по-прежнему стою на коленях не в силах подняться. Я туго соображаю.

— А ментов вызывать?

— Каких ментов? — Тоха с выражением идиота смотрит на меня, потом закатывает глаза. — Тебе что, проблем мало?! Я не понял! Съебываем побыстрее, да и дело с концом!

Он подходит ко мне, пробует поднять. Ощущение такое, будто тебя всю ночь били мешками с кирпичной пылью. Я, кряхтя, поднимаюсь.

— Ты это серьезно про ментов? — спрашиваю я его.

— Конечно! Ты что, не понял? Его свои же заломали. И не нам здесь разбираться.

Мы уже выходим на набережную. Оглядываемся. Вернее, это Тоша оглядывается. Я лишь вишу у него на плече и послушно повторяю все его движения. Сил нет никаких.

— Нам еще повезло, что отделались так легко.

— И не говори!

Эх, Толстый, Толстый! Как в воду глядел! Думал ли ты, когда с нами пиво пил? Впрочем, пофиг. Как сами скины говорят, на него прыгнули. У него я уже ничего не узнаю — ни имен, ни фактов. Он мертв. Совсэм.

2

Я докуриваю третью сигарету с утра. Я вновь здесь, у себя дома. Я здесь, чтобы рассказать вам эту историю. Ноет висок, хотя с чего это? Все никак не успокоится.

Я перебираю какие-то бумаги на столе, ворошу листы блокнотов в поисках нужных записей. Каких нужных?.. Я не знаю. Я специально сюда сгрудил эту гору вещей. Я собирал их все, подшивал. Думал, придет время. И вот я накопил критическую массу, и она готова взорвать и меня, и все вокруг... Я понимаю, пришло время.

Диктофон. Куда подевался мой диктофон? Давненько я его чего-то не видел.

Слышу слабое жужжание. Приходит sms-сообщение. Я выжидаю секунд двадцать, затем лезу под ворох бумаг. Нахожу телефон и читаю.

Это от нее. Она хочет встречи.

Последний раз, когда я ее видел, она была голой. Она лежала на том диване, что у стены в маленькой комнате, и смотрела на меня. А я сидел к ней спиной. И курил.

Я выкатываю последнюю из первой пачки за сегодня Pall Mall и закуриваю, чтобы полностью вжиться в тот свой образ. Или для того, чтобы отлынить от роли вашего рассказчика. Вообще-то я так много не курю.

На мне нет одежды. Я сижу к ней спиной, она лежит под одеялом и смотрит на меня. И что-то спрашивает. Что же? Это очень важно, надо

вспомнить, надо точно воспроизвести ее слова. Как же это было?

«Ты теперь уйдешь?..» Нет, не то! «Почему ты молчишь?..» Опять не то.

— Что же теперь будет с нами? — спросила она, смысловое ударение делая на последнее слово.

Я слышу, как сквозь ее слова чуть не проливаются слезы. Но она сильная, сдерживает себя. В очередной раз.

— Не знаю, — вру... вру ей!

Впрочем, я в своем репертуаре. Я всегда ей вру. Удивительно, если бы я ответил что-нибудь другое.

С другой стороны, что другое я ей могу сказать? Что я не люблю ее? Но и это будет неправдой. Полуправдой, вернее, хотя такой не может быть в природе. А если я ей скажу такое, то еще сильнее раню. Ладно, харэ оправдываться! Но если это чистая правда?

Чистая правда, говоришь?! Странные у нас с ней взаимоотношения получаются. Когда один из нас готов вроде бы уже отпустить другого, второй никаким образом не соглашается, и приходится оставаться. Но когда ты остаешься, то вроде бы все перестает идти как-то не так, как тебе казалось, неправильно. Все встает на свои места и течет своим чередом, да так, что тебе начинает нравиться. А потом вновь... Ссора, вселенский разрыв, затем весь мир суживается

до размеров комнаты, где вы когда-то лежали, следы туши на подушке, и каждая ресничка оставила свой след, невольно вспоминаешь вечер и ночь безудержной любви... настолько безудержной, что едва хватает времени раздеться и расстелить постель, и вот уже другой не может отпустить. И так до бесконечности. Вечное выматывание душ, наматывание жил на веретено.

— Ты меня любишь?

Еще я ее ненавижу за эти ее вопросы. «Ты меня любишь?» — ну кто так спрашивает?! Только женщины способны на такую хрень.

Специально не отвечаю. Специально изматываю ее. Знаю, как ей больно. Но продолжаю это делать. Знаю, как сильно она меня любит или не любит (впрочем, здесь это неважно). Но продолжаю это делать. Вновь и вновь проходя круг за кругом.

— Значит, не любишь.

Она говорит это с подчеркнутым металлом в голосе. Откидывает одеяло, начинает одеваться. Я докуриваю сигарету. Боже, сколько раз я это все уже слышал и видел? Когда же это наконец закончится?!

Я не оборачиваюсь, но знаю, что вот именно в эту минуту она надевает свои красные полупрозрачные трусики. Сейчас вот она надевает колготки. Сейчас она старается одеваться быстро, но с каждой минутой ее темп ослабевает. Она понимает, что не дождетя от меня ответа.

Не заставит дать слабину и уступить, попасть в сети ее желаний, заглотив ее крючок. И я буду молчалив, как скала. Суперкрут! Одним словом. Ничтожество.

Но в то же время она сама не может сделать встречный шаг — ей мешает ее гордость и то, что она сказала раньше. Я понимаю это так же хорошо, как и она. Я не люблю гордых. Гордыня — страшный грех.

Я пытаюсь отмахнуться от призраков прошлой жизни, как от сигаретного дыма. Но образы доканивают мое сознание.

Она стоит одетая на пороге и ждет моих слов. Наверное, я всегда специально делал трагедию из нашей любви. Ей хотелось покоя, и в те минуты, когда мы были рядом и она обнимала меня, а я — ее, я действительно видел, что она счастлива. Я был счастлив вместе с ней. Я забывал свое имя, когда она обнимала меня... Но мне этого всегда было мало. Я хотел трагедии. Я ее получал.

— Ну что ж?.. Тогда пока.

— Пока, — я говорю это дрогнувшим, треснувшим на середине и от этого немного подводящим меня голосом. Я прокашливаюсь. Я не суперкрут.

Она стоит еще с минуту на пороге и колеблется, ждет ответных колебаний, распространяет их, словно волны в эфире. Мне противно, я их улавливаю и поэтому поступаю наперекор. Не

двигаюсь. Затем делает два поворота замком входной двери и с силой хлопает ею. Я остаюсь один.

— Пока, — повторяю я более мужественно, но никто не слышит.

Спустя несколько сотен минут мы вдвоем будем жалеть о том, что произошло между нами в эту пару минут, но ни один из нас не отважится набрать номер другого и попросить прощения.

Приходит еще одно sms-сообщение: «Давай встретимся и поговорим. Захвати на всякий случай рюкзак».

Это она для того, чтобы напугать меня. В который раз я это слышу?.. Пятым? Шестой? Нет разницы. Правда, один раз она таки сдержала скрытую угрозу — отдала мне все, что я ей подарил. Все, представляете?.. Все, все, все до единой мелочи. Ничего не забыла. Мелочная сука! Ненавижу!!!

Я не отвечаю. Я натыкаюсь взглядом на столе на диктофон. Маленький портативный Sony со встроенным большим высокочувствительным микрофоном. Я мотаю в начало. Пленка неистово верещит и останавливается через каких-нибудь сорок секунд. Я нажимаю на Play и одновременно прикуриваю очередную сигарету.

Голос на пленке говорит моим тембром сначала тихо: «Раз, два, раз, два. Проверка», а затем более громко: «Здравствуйте»...